

Сергей МУРАШЕВ

г. Каргополь

Зажатая стенами леса серая асфальтированная дорога, разделённая посередине белой полосой, после крутого поворота пошла в гору и там, наверху, словно обрывалась трамплином в небо.

В гору, метр за метром, полз перегруженный КАМАЗ. Он, надрываясь, рычал, отпыхивался на перегазовках, казалось даже, мог не выдержать на самом взгорье. Но... вот, вот — поборо! Перевалил на склон, в бессилии передёрнувшись всем своим железным телом.

...Дальше шли холмистые поля с перелесками по логам. Справа, на одном из холмов, начинающемся от дороги, на самом верху его, гнездом уютилась деревня домов в пятнадцать-двадцать.

— Вот и родина моя! — весело крикнул пассажир КАМАЗа. — Напротив деревни тормознётся!

Шофёр кивнул и, после того как спустились под гору и порядком проехали по прямой, сразу после грунтовки, поднимающейся к деревне двумя колеями, остановил машину.

— Ну давай... Лёха, спасибо! — протянул Илья руку шофёру и стал выбираться из кабины. Что-то замешкался, неудачно выпрыгнул и, не удержавшись на ногах, — больно! — упал на колени, тюкнулся головой в землю.

— Жив?! — крикнул Лёха, вытянувшись со своего сиденья. — Живой?!

— ...Норма.

— Ну, давай тогда! — Лёха захлопнул дверку, погазовал на месте, напустив дыма, и уехал.

— Да-а...

— Да-а, — поднял Илья голову и тяжело огляделся.

Около образовавшейся вдоль асфальта лужи, покрытой зелёной тиной, стояла маленькая девочка в заношенной, висящей на ней мешком светлой курточке. Увидев, что кто-то приехал, она выпустила из рук длинную мок-

рую палку, которой, видимо, игралась, и побежала к Илье.

— Иринка! — поднялся Илья с колен. — Иринка!!! Как ты за три года выросла. Ну-ка!.. — взял он девочку за плечи, но, увидев, что испачкал курточку, отдернул руки.

— Замарал, дурак!

Илья взглянул на разбитые в кровь ладони и машинально отёр их о брючины. Девочка всё стояла рядом и смотрела во все глаза.

Илья помялся немного. Потом достал из кармана мелочь.

— На, Иришка, мама шоколадку купит!.. Отец дома?

Девочка кивнула.

— Я найду — скажи.

Илья, высокий, стройный русоволосый мужчина с двумя залысинами ото лба, пошатываясь и чуть хромя, брёл по дороге вдоль лужи. Расстёгнутая чёрная куртка трепыхалась полами по ветру, а дорожная сумка, закинутаая за плечо, хлопала по спине.

Илья то и дело шептал: «Лужа, всё лужа и лужа, лужа и лужа...»

Он пропустил оба мостика, по которым можно было перейти, и, сделав порядочный круг, обошёл лужу стороной.

Илья, взяв отгулы, приехал на несколько дней. Одуматься. Недавно поговорили с женой и решили недельку пожить раздельно, а то совсем разлад в семье. Из-за Ильи. И ничего не поделаешь...

Поздно ночью его занесли в дом к матери бревном, или, лучше сказать, колодиной.

* * *

Подняло Илью в четыре утра. Он неслышно побродил по дому. То и дело выходил на улицу курить, пил чай впустую. Несколько раз, не включая свет, воровски обыскивал свою куртку, перерывал сумку. Наконец полшестого заглянул к матери в комнату (дом после постройки разделили перегородками на две комнаты, коридор и кухню). ...Мать спала не раздевшись. Она лежала на неразобранном диване, едва уместившись на

его половинке своим грузным телом. Вместо одеяла укрылась тяжёлым мужским пальто с меховым воротником. Рот у матери приоткрыт — дышит с присвистом. Руки положены поверх пальто, пальцы сжаты в кулаки... но не плотно, словно корову доила и остановилась. А может быть, во сне и доит...

— Мама, мам, — осторожно тронул за плечо.

— Что? — тревожно вскочила она.

— Ты кошелёк не брала?

Шура встала, включила свет. Расчесала свои короткие поседевшие волосы гребёнкой и воткнула её на затылке.

— Спрятала.

Что-то произошло дома. Что-то ужасное... Илья выскочил на улицу, отчаянно топя босыми ногами по скрипнувшему ступенькам, громыхнув дверью:

— У-у! Ух!

Быстро шёл, бежал. Что-то резко дёргалось внутри его и выходило наружу толчком, сдавленным криком... А за Ильёй, отстав метров на десять, торопилась, запинаясь, редела старушка мать.

Уперевшись в забор, Илья глянул в одну сторону, в другую — пройти негде. Вдарил по перекладине забора обеими руками во всю силу. Подгнившие столбы не выдержали, и повалился весь пролёт. Илья ступил на забор, сделал ещё несколько размашистых шагов и за кучей мусора упал прямо в старую жёлтую траву, в сорняки, в крапиву. Утренний иней приятно ожёг разгорячённое тело.

Шура отдала сыну деньги, но тот никуда не пошёл — перегорело. Он бродил по дому и огороду как не свой. Вспомнил, что мать в каждом письме ныла: «Крыша течёт. Крыша течёт...» Залез на чердак. Там в полумраке в нескольких местах стояли тазы с водой, отражающей свет чердачного окошка.

Илья подошёл к окну, которое было заколочено досками и только сверху оставлена щель сантиметров в пятнадцать. Рамы в окне не было — она с разбитым стеклом лежала на изгнившем, с прозеленью балкончике.

Илья долго стоял и не отрываясь смотрел вниз: на дорогу, на соседский дом, покосив-

шийся на угол, на колодец-журавль с противовесом из автомобильной покрывки.

По дороге туда-сюда прошёл незнакомый Илье торопливый заботный мужик, потом пробежала, принохиваясь к земле, собака.

Слева кто-то разговаривал. Илья с самого угла окна, наискось, поглядел, кто там. Это, опершись о калитку, стояла Шура, а рядом с ней на дороге — высокая полная женщина в ярком, в несколько цветов, спортивном костюме. Женщина что-то рассказывала, размахивая при этом руками и смешно приседая.

«Как мать постарела, — ёкнули у Ильи слышанные уже слова, — как постарела...»

Он спустился с чердака, вышел на улицу, обогнул дом и прижался к бревенчатой стене... Ко лбу что-то прильнуло. Илья глянул. Из серого щелистого бревна, из сучка (лето было жаркое) выдавилась липкая смоляная слеза. Сразу вспомнилось, как три года назад, проведя отпуск в деревне, уезжали. Когда пошли на автобус и спускались под гору, жена вдруг свернула с тропинки.

— Незабудки! Незабудки! Илья!

— Да? Раньше не было.

— Значит, семья, значит, кто-то семья занёс! — рвала она цветы и танцевала.

Илья снова взглянул на раздавленную лбом смоляную каплю. Немного дальше из бревна торчал ржавый серп. Илья выдернул его и взмахнул несколько раз — («Раньше крапиву вокруг дома жал») — и снова воткнул. Что-то задумался... Осторожно вытащил серп и заглянул в рану от острия — там ничего. Сунул серп опять в щель.

Илья прошёл на веранду, по-сиротски присел на первую ступеньку крыльца. Дождался матери и спросил:

— Давай баню истопим?

— Топи, топи, Илюша. Я сама думала, да тут... Топи.

Илья растапливал печку в бане...

Разливаясь теплом, вспоминалось, что в детстве... если мать увидит, что стоит, как сейчас, на коленях, закричит еще издали: «Ты стираешь?! Кузнецов он опять ловит!» — торопится с сумкой из магазина, но не догнать... А

зимой чаще: «Колена застудишь! Наказание. Встань быстро!» — строго очень.

Теперь в ответ на это по-детски думалось: «Сейчас ничего не скажет...»

Илья положил в топку последнее полено, засунул под дрова скалину и поджёл её. Скалина заёжилась, разгораясь. Печка набрала дыма и вдруг резко пыхнула им Илье в лицо. Илья закашлялся, сплюнул, а дым повалил в баню клубами, затягивая пеленой потолок.

— Вот всегда хорошо топились, а тут дым... — причитала Шура в предбаннике. — Я уже давно её, правда, не топила. Или воды набежало...

А дым шёл и шёл. Илья утёр слёзы и наклонился почти к самому полу, глубоко вдыхая из-под настланных досок воздух, пахнувший холодной сырой землёй. Догадался закрыть дверку. Печка, внушительная каменка с котлом, словно задумалась. Дым нашёл нужный выход. Дрова вспыхнули в печке, и она довольно загудела, улыбнувшись Илье огненным светом из щелей вокруг дверки, который осветил красный неоштукатуренный кирпич.

Баню приготовили славную.

Илья парился до изнеможения, отдыхал в предбаннике — и снова в баню. Он плескал на камни, заползал на полок и лежал. Пот ел глаза, и Илья закрывал их.

В опустошённой голове почему-то всплыло одно и то же: «У меня же парень растёт»; «А баня-то новая, хорошо — матери денежку послал».

Перепарившись, что ли, Илья пришёл домой в полузабытьи и бухнулся на постель, приготовленную матерью. Бельё пахло свежестью и чистотой.

В дрёме Илье который раз за последнее время вспомнился отец. Вспомнился издали. Тогда свою баню ремонтировали, ходили мыться к деду. У Ильи, пацана совсем, сопли от жара побежали.

Отец и сказал:

— Вот баня болезнь выгонит.

— Да я не больной, не больной! — кричал Илья.

— Как?.. А сопли?

— Да не больной! А бегут!

— Ну-у... Значит, были, раз бегут.

Утром Илья проснулся часа в четыре. Самому хорошо, легко, голова свежая, отдохнувшая впервые за много дней. Да и как иначе — выспался. Вчера сразу после бани, часов в пять, заснул.

На улице темно, и в доме темно.

Илья выдвинул из-под кровати, на которой спал, отцовский деревянный ящик с боеприпасами к ружью, унёс на кухню и только там зажгёт свет. В ящике всё, что надо!

Сидел прямо на полу посерединке кухни под лампочкой, заряжал патроны. Каким-то чудом он вспомнил меры пороха и дроби и, как ребёнок, радовался этому.

Илья то и дело резко оборачивался на тёмное окно в ночь: «Нет! Не рассветло», — успокаивался.

Когда уже собрался идти, вспомнил про ружьё (раньше его в самый последний момент всегда выносил отец). Сердце ёкнуло: «А вдруг его нету?»

Илья, не снимая даже сапог, с тяжёлым мешочным рюкзаком за плечами, прошагал в свою комнату, включил свет. Железный продолговатый оружейный сейф, поставленный в дальнем углу, был закрыт на навесной замок. Ключ все так же, как и при отце, висел на гвоздике на стене. Илья открыл замок, осторожно приподнял крышку сейфа. Ружьё на месте! Оно любовно смазано маслом.

— Илюша, ты куда? — в комнату в ночнушке вбежала растерянная Шура.

— На охоту, мама! На охоту! — Илья собрал ружьё и принялся обтирать стволы рукавом. — Может, на ночь, может, на две. Почти весь хлеб забрал! Да ты испечёшь.

Настроение и вид сына ободрили Шуру.

— Ты Муху возьми.

Илья глянул в стволы на свет, опустил ружьё и осторожно щёлкнул затвором.

— Муху? — вспомнил небольшую рыжую собачку, которая сначала лаяла на него, пыталась укусить, а после того, как он пугнул её, обходила стороной. — Возьмём Муху.

Шура проводила сына до калитки.

— Муха, пойдёшь со мной? — спросил Илья.

Муха подошла, но не ближе метра, вытянув-

шись всем телом, осторожно принялась к ружью и побежала вперёд по ночной дороге. Метров через десять в свете окна развернулась наполовину и остановилась, дожидаясь хозяина.

— Счастливо, — напоследок сказала Шура.

В конце деревни Илье встретился низкорослый черноволосый мужичок, отец Иринки. В кармане его огромного чужого пиджака ютилась полуторалитровая пластиковая бутылка. Мужичок подошёл и, шатаясь, протянул руку.

— Иль-юша... Илюша? — он всмотрелся в лицо. — Трезвенький? Вон смотри, — показал рукой с неразогнувшимся до конца пальцем на страшную в темноте маленькую избушку с одним пылающим окном. — Колька баню добил. Обмываем. Там все наши. Колька. Сергуня. Толик. А я — к Вале, — похлопал он по бутылке. Вдруг заметил ружьё. — Так ты на охоту? Ну-у... тогда смотри сам, — и пошёл.

По тёмному небу плыли чёрные тучи, и заморосило. Настроение у Ильи испортилось. Он, как только вошёл в лес, сразу разложил костёр. Огонь освещал небольшое расстояние вокруг себя, несколько деревьев, а дальше темнота. Муха, свернувшись калачиком, лежала под засохшей елью. Дым от костра шёл сквозь освещённые ветви в темноту. Иногда он менял направление в сторону Ильи, на секунды обдав его теплотой и сказочной дремой.

Илья сидел на постеленном на свеженарубленные еловые лапы плаще. Смотрел на живой, магический в темноте огонь. Вспомнилось Илье, что раньше, когда ещё учился в школе, по выходным вставал рано, не мог утерпеть, выходил в темноте. И вот так же сидел на границе леса и дожидался рассвета. Потом разыскивал выводок рябов, которые зачинали петь. Выбирал из трёх манков любимый и свистел. Рябы, разохотившись, распевались, откликались почти друг за другом, не давая втиснуться и подать свой голос; слетались кучнее... Теперь не зевай! Лишний раз не свисти, чтоб не распознали, и подкрадывайся осторожно. А если на манок идут!.. Посвистишь, он подлетит и опять откликнется: «Тут я, тут. А ты где?» Или неожиданно «молчун» сзади

припорхнёт, чуть не на спину, ряба, к которому летел, не увидит — и дальше метров на десять. На ветку сядет, ветка качается, а он, заподозрив неладное, щебечет: «Ой! Ой! Опасность! Ой!..» Тут уж надо стрелять, а то улетит. ...А по земле сколько раз прибежали — бежит, на ходу свистит... Отец, тот весь выводок при- манит, сидит тихо, а уж потом штуки три возь- мет. У Ильи так не получалось. Первый приле- тит, видно — и стреляет...

...Илья очнулся от воспоминаний. Уже рас- светло. Костёр, на свету не такой волшебный, догорал, отдавая последние силы. Тучи под- разбежались, оставшись только у горизонта. Из-под них выглянуло восходящее солнце. Оно отразилось рассеявшимися лучами в ле- жащих на всём дождевых каплях, оживив тем самым увядшие листья на деревьях и земле.

— Надо, Муха, идти, — вскочил Илья и засу- нул плащ в рюкзак. — Пойдём сейчас.

Сначала Илья ещё держался знакомой троп- ки, едва улавливая её направление. Но потом свернул за вспорхнувшим рябком и сбился. Долго шёл наугад. К обеду, заплутав на травя- нистой болотине, наткнулся на небольшую аккуратную яму с водой до половины...

В воде невидимой струёй поднимало со дна ил и еловые иголки. Рядом с ямой на вросшей в землю валежине лежала потемневшая ча- шечка из березовой коры.

— Ключ, Муха... — у Ильи от усталости, от долгой ходьбы и резкой остановки закружи- лась голова, его понесло, так что к дереву плечом притянуло: «Был я тут!.. Был! Забылось только... давно. В апреле на лыжах по насту. За лосём был...

Отец не пускал: «Какой лось! Охота в январе закрылась! Тяжёлые щас! Нельзя».

Нет. Убежал. Через повить, а убежал... Да и не удержать было — Колька с Иваном разве охотники? А убили.

Вскоре и след быка нашёл. Он не стоял, стронутый уже был, но кормился хорошо. Ломал тоненькие вички, как дед говорил, с ивушек. На болоте крутанулся несколько раз и к ключу вывел. Копытами снег рядом с ямой в грязь истоптал. В ключ даже угадал.

Воду замутил. А в воде — лягушка, жаба. За- булькалась, испугалась. Наверное, с осени в ключе жила...

Дальше лось ходом пошёл, кормиться перес- тал — почуял...

Вдруг! Стоит! Солнце яркое от снега — и в глаза. Ствол у ружья старый, вышарканный, блестит, отражает зеркалом. Целиться плохо... А это... корова. Брюхатая, еле идёт. Загнанная. Ноги настом ломает: тяжело. Уши прижала, отпыхивается. Брюхом за снег цепляет — двой- ня, наверное. Боится, а убежать не может.

Бык же был. Бык... на лосиху навёл, а сам ушёл. Чтоб два следа было...

Нет, стрелять не стал, разглядел вовремя, ус- пел. Повернулся — и ходом, сначала сам не знал куда.

В деревне никому не сказал. С Ванькой тог- да всю ночь пьянствовали».

— Жарко, Муха! Пить хочу, по болоту нахло- пался, вспотел, голова болит.

Илья торопливо поставил ружьё к дереву, снял рюкзак и стал развязывать.

— Ключ, Муха! — весело крикнул. — Студенец, Муша. Точно, отец рассказывал: «Болото, а по- серёдке ключ, Студенец, три глотка не стерпеть — зубы сводит, — говорил: — Из самых недр зем- ли». Всё хотел показать: «Покажу, покажу, вода — сок берёзовый...» Так и не показал.

Илья уже достал котелок. Кинул перед ямой плащ и коленями опустил на него. Низко наклонился, опёрся левой рукой о противопо- ложный край ямы и, улыбнувшись своему от- ражению, котелком черпанул воды.

— Сейчас... — он распрямился и глотнул че- рез край. — Хо-олодная, Муша! У-ух! Отец го- ворил, целебная... из самых недр. Муша!

Собачка, который раз услышав своё имя, ра- достно юлила всем телом, махала хвостом; пе- реступая с места на место, доверчиво загляды- вала Илье в глаза.

— Всё, Муха, чай кипятим!

От ключа по болоту вела тропка, прошпа- ленная в самых сырых местах жердинником. Тропка петляла и держалась зачёсов на де- ревях, продолговатых, зарубцевавшихся те-

перь, на елях — со смоляными подтёками, а на берёзах — нередко с чагой.

Вскоре болото кончилось, и дорожка выскочила на просеку. Просека, недавно чищенная, шла широким коридором, в обе стороны поднимаясь в гору.

По просеке идти лучше, просторнее. Думалось о матери, вспомнил об отце. Вспомнил, как отец три года назад, перед смертью, всё причитал: «Мне бы воды со Студенца». Сколько раз просил Илью поискать...

Вдруг Илья остановился — вдали, в сторону от просеки, шумело — шумела река. Илья спустился на звук. Шумело при перекате через бобровую плотину.

Бобры перегородили небольшую, метров пять в ширину, речку, натаскав мелкостволья, сучьев и веток. Вода порядком поднялась и почти сравнялась с берегами.

На той стороне, почуяв неладное, засуетился маленький чёрный бобрик. Он растерянным коротколапым медвежонком, с частыми нерешительными остановками, запрыгал вдоль по берегу. Не зная, что предпринять, пропустил первые, вышарканные до земли лазы, и скатился в речку только на третьем. Выкурнул так, что видно только мордочку; тихонько поплыл. В ответ на это водная гладь, усыпанная желтыми, не потонувшими ещё листьями, сразу заходила, заволновалась слегка...

Испугала бобрика Муха. Она, потеряв хозяйина, не разбирая дороги, неслась по следу... Бобрик со звучным шлепком нырнул и больше не показывался.

Илья пошёл вверх по течению. Бобры здесь аккуратно подгрызли со всех сторон, но ещё не уронили две огромные осины в обним. Муха долго обнюхивала и осины, и лазы. Ей всё было вновь. «А потревожь бобров, — вспомнил Илья детские размышления соседа Ваньки, когда-то первого рыбака в деревне, — больше не прикоснутся, так и будут деревья стоять на последней ниточке жизни».

Солнце уже совсем разогрелось, и Илья снял ставший жарким свитер, запихнул в рюкзак.

Огляделся.

Радуясь тёплому осеннему деньку, болтая на своём языке и роняя шишки, по верхушкам

елей перелетали маленькие клесты. На высоком берёзовом пне, нисколько не боясь головной боли, стучал дятел. Где-то впереди, считая это за работу, раскричалась лесная сорока.

После того как поднятая бобрами высокая вода осталась позади и река разговорилась на частых здесь каменистых переборах, Илья углядел белку. Рыжая ещё, она, по привычке своей цокавшая, застигнутая теперь врасплох, прыгнула на ствол ели и метрах в двух от земли так, как и бежала, — замерла. Илья тоже остановился. «Думает, не вижу, — прошептал он. — Мухи-то нет».

Не шевелились долго.

— Ну всё, хватит, — надоело Илье. — Тебя не перестоишь.

Он сделал несколько шагов.

Белка рванула вверх по стволу и пропала в еловых лапах, будто не было.

На песчаном мыске около омута попались свежие, глубоко вдавленные следы лося.

— Лосиха, — провел Илья пальцем по отпечатку копыта. — Молодая. Одна. На будущий год с телёнком будет.

Муха, не обращая внимания на хозяйина, ползла прямо под руки и деловито-смешно совала носом в каждый след.

— Да, Муха, крупный зверь. Мой Мухтар сейчас бы остановил, — похвастал Илья.

У ручья, пробирающегося к реке между замшелых валунов и вывороченных с корнем деревьев, Илья наткнулся на отцовскую, упавшую уже жёрдку на куницу.

Илья постоял немного в раздумье, потом отвязал капкан и повесил на сучок. Сел на ближайшую валежину, закурил. Муха, натоптав место, улеглась в ногах. Вдруг она насторожилась. По ручью бежала молодая норка — почуяв посторонний запах, продвигалась крадучись. Высунет из-за полусгнившей колодины или камня головушку, торопливо-тревожно оглядится — и до следующего прикрытие.

Муха сначала удивлённо смотрела. Потом оскалилась, зарычала и... — за норкой, которая, в свою очередь, тоже разобралась и торопилась к реке.

Слышно было, как Муха плюхнулась в воду. Через минуту вернулась.

— Да-да, уплыла как утонула; а ты не можешь так? — Муха заскулила в ответ.

— Пожалуйся, пожалуйся. — Илья докурил и вторую, встал с валежины. — Ладно... Ладно, Муха, отступись. Не спелая! Вверх по ручью пойдём, — махнул он рукой.

Муха, словно понимая человеческий язык, уловила направление и одним резким прыжком, развернувшись, вырвалась вперёд хозяина.

Ручеёк журчал между двух довольно крутых склонов, поросших местами молодым, большеньким уже ельником. Иногда один из склонов опускался, становился положе, тогда второй обязательно набирал мощь и крутизну. К краям обоих склонов подходили высокие сосны. Часто у их корней попадались песочные осыпи — лучшие места для порховищ рябчиков.

— Боровой, — вспомнил Илья название ручейка.

В крутом повороте поймы, у огромной, метров десять в длину, осыпи, стащившей вместе с землёй несколько деревьев, вспорхнули, разлетаясь в разные стороны, рябчики.

Муха, несмотря на окрики хозяина, залаяв, понеслась разгонять выводок, наискосок поднялась по осыпи, оставляя след, и пропала на бору. Два рябка же перелетели на противоположный склон и сели на подсыхающие от густоты ёлочки. Илья хорошо видел одного. Прицелился, выстрелил. Рябчик упал камнем, немного подкатившись под гору. Второй, испугавшись выстрела, вылетел из чащи, пролетел метров десять по дуге и уселся на чистом месте. Илья не задумываясь взял и этого.

Только перед темнотой Илья вышел к фамильной избушке, поставленной в истоке Борового ещё дедом. Чуть не от двери, рядом подпустив (Муха прозевала согнать), слетели рябчики. «Утром запоют».

Соседка засиделась у Шуры... Отвлекала от дел.

— ...Лук в колготки, значит... Да-да-да. Да, — она причмокнула скопившейся слюной. — А у меня все на печи.

Шура не ответила. Соседка, сухонькая бабка в истёртом платье с оборками подолом, в засаленной куртке с большими пуговицами, в тём-

ном платке, нависшем над глазами, сидела, положив руки на колени, как первоклассница, и, похоже, поддерживала разговор одна. Лицо её, застывшее, с потемневшей, с глубокими морщинами, кожей, словно стёсано у щёк несколькими махами топора.

— А Иришка... А Ирина Ивановна, не знаешь, как поживает?

— Так умерла!

— Умерла?! Давно?

— Да что ты! Полтора года!

— Мы-ым-м... Молодая ведь совсем, нас моложе. Как переехала, значит... Да-да-да. Я и не знала, — закачала она головой. Запереживала. — Теперь там Колька у ней остался. Да-да-да...

Несколько минут соседка сидела молча; было слышно, как отработывают своё часы и шумно дышит Шура.

— Ильюша-то где?

— Ильюша? А что — Ильюша?

— Все хорошо — Ильюша-то?

— Ильюша... — медленно заговорила Шура. — На охоту ушёл. Отец-то охотник был. Как? Водил Ильюшу в детстве. Бродили всё, — Шура опять немного помедлила, тревожно глядя на соседку. — Ружьё отцовское взял, смазал; патроны тоже... Утром и ушёл.

Опять посидели молча.

— Ушёл... — сказала соседка. — Вот и у меня Ваня... тоже, ружьё взял. Побрился. — «Уток погоняю». Тут на реке и нашли через три дня. Метр девяносто пять ростом был. Ладно, Санька, пойду я ... — Поправила платок и ушла.

Уже через час Шура шла лесом. Хотя день давно перебрался за середину, солнце грело. Грело крепко, не по-осеннему. Шура вспотела. Часто, остановившись, вытирала фартуком, который забыла снять, пот с лица, забывалась; потом спохватывалась, срывалась с места, — резко, так что Шура вскрикивала, сказывалась боль в ногах... У Иришкиной полянки присела на вывернутую с корнем огромную осину.

Иришкина полянка, когда-то косившаяся, теперь заросла молодым, набирающим силу березняком, по которому по-хозяйски, как са-

довник, прогуливался ветерок, бережно обдувающий, освежающий Шуру лицо.

Где-то далеко выстрелили.

— Илья! — сердце у Шуры съёжилось —дохнуть нельзя. Она зажмурила глаза.

Через несколько секунд — второй выстрел!

— По рябам, — выдохнула. — Слава богу!

Она посидела ещё несколько минут, встала и повернула к дому.

В избушке — обычное дело при неуходе! — лопнула матица, и Илья, порядочно захватив темноты, долго возился, подставляя подпоркой сосновый столбик. Умаялся. Сварил суп из рябчиков, поел, накормил собаку и, не готовя чая, лёг спать.

Ночью Илья проснулся. Хотелось пить. Он вновь растопил (труба не закрывалась) небольшую железную печку, обложенную камнями, и прямо в её жаркий рот сунул чайник с водой. Чайник не влез полностью, высунув из печки носик, так что дверка не закрывалась до конца, оставив щель. Илья сидел и смотрел на эту щель красной жаркой полосой, а на нём самом, на бревенчатых стенах, на низеньком, не во весь рост, потолке, на подпиравшем матицу свежеекорённом столбике, который пах смолой, играли чудесные отблески огня.

В избушке стало жарко.

Илья открыл низенькую дверь избушки и прямо как был, в майке, в спортивках и босиком, вышел, сел на порог, поставив ноги, чтоб не стыли, на единственную, вровень с землёй, ступеньку. Закурил.

Подошла Муха, тихонько толкнулась в колени, ещё раз...

— Что, Муха? — Илья откинул сигарету, которая, упав на землю, еще долго глядела огненным прищуренным глазом.

— Муха, Муха, — погладил Илья собаку по голове, — я ведь здесь один километров на тридцать... квадратных. Следов почти нет. Мало ходят... Думается ясно, Муха, — снова потрепал он собаку. Она довольно махала хвостом и, если хозяин не гладил, тыкала мокрым носом в ладони. — Муша... как сам с собой разговариваешь.

В лесу тишь. Только журчит Боровой.

Где-то далеко-далеко залаяла собака.

— Мухтар! Слышишь?! Это в деревне. Твои лают. Двенадцать километров, а слышать! Холодно сегодня. Ух! — Илья поднялся с порога, но в избушку не пошёл, захлопнул дверь. — Студить не будем. — Сделал несколько осторожных шагов по холодной, местами с мхом, земле.

Всё небо в звёздах! И в кронах сосен звёзды. И между стволами звёзды. Илья оглянулся на избушку. Низенькая, два метра от земли вместе с двускатной крышей. Крыша, сложенная из толстых, грубо тёсанных плах, поросшая от времени белым мошком, слабо серебрилась в ночном свете. Из трубы шёл дым.

Илья посмотрел на небо и, не стесняясь (да и кого стесняться!), поднял руки в стороны и чуть вверх. Глубоко вдохнув, набрал полную грудь студёного звёздочистого воздуха.

— До свидания, мама, — обнял Илья Шуру. Она обхватила сына руками, прижалась к нему и не хотела отпускать.

— Теперь у меня, мама, тут что-то есть, — показал он рукой на грудь. — Мама! — снова крепко обнял мать. Взглянул на родной дом за её спиной. Маленький, бревенчатый, с тремя широко расставленными друг от друга окнами-глазами. У балкончика, срубленного в два ряда, необшитого, отгнило нижнее бревно, упало и приставилось к стене, словно подпирая её. — А за дом ты не расстраивайся... Крышу починил... А на будущий год всей семьёй приедем, подремонтируем. У меня отпуск сорок... Муха скулит? Закрыла?

Илья ещё постоял. Но долго не выдержал.

— Ну ладно, не ревите... До свидания, мама!

У своей калитки стояла соседка и смотрела. Илья сделал несколько решительных шагов, обнял старуху.

— До свидания, тетя Раиса!

Слишком резко повернулся.

Зашагал по затвердевшей от заморозков дороге.

рассказ

Таяло. Дорога была плохо почищена, скользкая, можно сказать, ледяная. Впереди Максим увидел большой гусеничный трактор с ножом, который шёл почти по бровке, но всё-таки захватывал дороги.

Первой реакцией было сбавить газ и не обогнать на повороте — скользко. Но в ту же секунду включил левый поворотник, потом правый. Со встречки никто не выскочил, поэтому прошёл удачно, прямо посерединке дороги. Стрелка спидометра перескочила восемьдесят. И никакой суеты. Всё чётко, ничего лишнего. Пора снимать жёлтый восклицательный знак с заднего стекла. Ещё бы — обогнал трактор!

Машину занесло немного влево. Он привычно выровнял её. Удивился и даже огорчился, когда увидел, что теперь машину несло вправо. Он не знал, как и когда это произошло, но это было

неприятно. Хотя мысли где-то далеко, где-то рядом с восклицательным жёлтым знаком.

Теперь занесло влево намного сильнее. Он ещё раз крутанул рулём вправо. А вдруг всё выровняется, всё наладится? Впереди, метрах в двухстах, начало какой-то деревни. Виден был знак на белых ножках. Тёмно-синее название деревни в белой рамке.

Машину несло по льду. Её почти развернуло поперёк. Она влетела в правый белый сугроб. Впереди, прямо перед глазами, стеной стоял тихий зимний лес. Последнее, о чём успел подумать, что он один, что никого не взял с собой. Машину обдало снегом, ударило этим снегом в стёкла. «Полетел!» — скорее почувствовал, чем подумал. Из бардачка, откуда-то с потолка, казалось, из каких-то щелей посыпались бумажки, салфетки, лампочки, гайки, какая-то мелочь. Казалось, что машина разваливается на части.

Через доли секунды машина стукнулась о землю и встала на водительский бок.

Максим оказался теперь где-то там, внизу, около самой земли. Живой. Первым делом отстегнул ремень безопасности. Выдернул ключ зажигания.

Панель всё ещё светилась, значит, фары... фары не выключены! Долго хлопал рукой, искал клавишу, чтоб выключить. Но не мог. Когда лежишь на боку, всё по-другому. Захотелось скорее выбраться. Быстро поднялся, не обращая внимания, что стоит на боковом стекле и можно выдавить его, попытался открыть пассажирскую дверку. Она открылась. Подтягиваясь на руках, толкая дверку головой, цепляясь ногами за что попало, похоже, опёршись на водительское сиденье, выбрался наружу. Как из люка.

Вокруг был зимний тихий лес.

Машина улетела в кювет метров пять высотой. Она лежала на боку, чуть накренившись, словно в раздумье: переворачиваться окончательно на крышу или нет. Рядом лежали небольшие сломанные деревца, верхний погнутый багажник. Фары горели, но как-то тускло — видимо, габаритные стояночные огни. Внутри, в капоте, что-то капало, слегка пахло бензином. Ничего не дымилось и не горело.

Максим пальцем поправил очки (хорошо, что они не потерялись и не разбились!), приг-

ладил ладонью кудряшки своих волос и наискосок выбежал на дорогу.

Трактор был ещё далеко. Мимо проехала машина, она не знала, что здесь произошло.

Максим посмотрел вниз на свою машину. Следы к ней были только его. Значит, она улетела по воздуху. По воздуху. Метров десять. В воздухе её окончательно развернуло носом против движения, хотело поставить на крышу и хлопнуть об землю. Но не дали багажник и маленькие деревья — они смягчили удар. Помог и снег. Слава богу. Фары машины слабо горели, как глаза собаки дворняги, которая ластится к тебе и показывает незащитное брюхо.

Трактор всё ещё был далеко. Максим спустился снова к машине, открыл дверку и забрался внутрь до пояса. Посмотрел, посмотрел, но ничего не сделал. Вылез обратно. Испугался, что трактор проедет мимо. Выбежал на дорогу снова и стал дожидаться трактора. В короткой кожаной курточке, хотя на улице таяло, было холодно. Голова тоже мёрзла без шапки. Правда, шапку он не носил уже давно, ему нравилось, чтоб люди видели его кудряшки.

Максим чуть дрожал, худой, высокий, стоял ссутулившись, держал руки в карманах куртки. Очки съехали на нос, но не хотелось их поправлять. Он смотрел, как увеличивается в размерах трактор.

Наконец трактор стал таким большим, что стало страшно. Нож его, огромный, косой, остановился прямо около ног Максима. Тракторист где-то там вверху за стеклом кабины дёрнулся в одну сторону, в другую и открыл дверку:

— Чего тебе?!

— Лежит.

— Чего лежит?

Максим почему-то думал, что тракторист знает, что произошло, и всё видел. Но тракторист не видел. Пришлось кивнуть в сторону машины:

— Машина.

Только тут тракторист заметил. Он выпрыгнул на гусеницу, потом — в снег. Подошёл и посмотрел внимательно. Потом взглянул на Максима.

— Как это ты так? Сам-то как? Один был? — голос тракториста стал добрее. Максиму стало легче.

— Один, со мной — ничего, пристёгнут был.

Сначала в одну сторону, потом в другую... — всё прямо словно зачесалось, как захотелось рассказать.

Но тракторист не стал слушать. Он уже медленно спускался к машине. На полдороге обернулся:

— Надо бы выключить, а то замкнёт, — и пошёл дальше.

Максим не сразу догадался, что тот говорит про фары. Когда догадался, побежал к трактористу. По дороге снова проехала машина и даже как будто притормозила немного.

— Деревья помогли и багажник. Теперь уже не перевалит на крышу, вон в кусты упирает, — рассуждал тракторист. Он был на вид какой-то плотный, тяжёлый, словно сбитый из пластилина. И лицо словно из пластилина слеплено: овальный катыш головы, лепестки ушей, слегка прижатые шерстяной шапкой. Две шишки надбровных дуг, вдавши глаз. Большой нос картошкой и толстые припухшие губы. — Оттуда зацепим и на колёса поставим, а потом выволокем. Ты полезай, полезай внутрь, — открыл дверку.

Залезать не хотелось. Казалось всё-таки, что кусты не удержат и машина перевалится на крышу.

— Троса только вот у меня нет длинного. Вот в чём дело. Надо трос искать, — сказал тракторист кому-то, но не Максиму. Так разговаривают по телефону с наушниками.

— У меня трос есть, — ответил Максим уже из машины.

Тракторист не расслышал.

В машине были сосательные конфетки барбариски — Максим всегда брал их в дорогу.

— Выключай давай! — крикнул тракторист. — Слева кнопка!

И опять искать непривычно.

— Выключил?

— Выключил.

— У меня где-то трос есть, — снова сказал Максим. — Достать?

— Документы достань! Только на стекло не наступай смотри. — Он ещё что-то пробубнил, потом ещё что-то, но было ничего не понять.

Троса нигде не было. Наконец подал документы и вещи через дверку трактористу. Дверка захлопнулась, и было видно сквозь налип-

ший на лобовое стекло снег, как тракторист медленно пошёл к дороге. В одной руке у него сумка с документами, в другой — с одеждой. В машине стало совсем неудобно, и Максим, снова толкая дверку головой, вылез наружу.

Напротив на дороге стояла маленькая зелёная машина и мигала правым передним поворотником (задний, видимо, не работал). Около машины двое мужиков в суконных пиджаках и валенках. Один из них сидел на корточках, валенки у него были какие-то особенно большие. Увидев Максима, он распрямился:

— Здорово, Юрий! — почти крикнул.

— Я не Юрий, — сказал Максим, ему стало неприятно.

— Так, наверно, и не Гагарин? — засмеялся мужик. — Извини, друг. Поможем.

Второй мужик стоял молча. Он очень походил на тракториста. Тоже словно из пластилина слеплен. Нос картошкой, такая же точно шапка и уши так же этой шапкой слегка прижаты.

Максим поднялся на дорогу. Тракторист стоял рядом с сумками, словно ждал автобуса. Подошли мужики. Тот, что разговаривал, похлопал Максима по плечу:

— Извини, друг, я ведь тоже не Юрий, тоже не Гагарин, — и засмеялся. Но как-то неестественно, словно у него это нервное, закашлял.

Когда перестал смеяться, снова похлопал Максима по плечу:

— Ты, друг, беги в деревню. Второй дом справа, найди Колю Носатого. У него трос есть. Скажи: от Свояка, — он улыбнулся, и оказалось, что у него нет половины зубов.

Но Максим не двигался с места. Тот мужик, что походил на тракториста (правда, он ниже ростом), толкнул беззубого кулаком в бок и кивнул в сторону своей зелёной машины. Беззубый отмахнулся от него, взял Максима за плечи:

— Ты, друг, беги, беги к Коле. У него трос есть. Поможем.

Но он всё стоял, словно не слышал. Мужики сели в машину, она зарычала очень громко. Потом машина развернулась, причём мигал опять только передний поворотник, и уехала.

Подошёл тракторист и посмотрел прямо в лицо. Максим всё понял. Он пошёл, а потом побежал. Ему очень захотелось пробежаться,

он почему-то вдруг поверил этому беззубому.

Коля жил в старом рубленом доме, низко-низком. Весь передний напуск крыши, закрывающий фасад от дождя, был без шифера и без рубероида — одни доски и щели между ними. Словно это перья у птицы.

Дорожка к дому не прочищена — едва натоптана узкая тропинка. Разваливающаяся калитка забора открыта наполовину, да так и застряла в снегу.

Дверь на веранду низенькая, открывается тяжело, со скрипом, не до конца. И всё на веранде какое-то низенькое, маленькое, невзрачное, стёкла окон тусклые, грязные.

Максим постучался в обитую одеялом дверь и вошёл в избу. Натоплено жарко, очки запотели. Свет лампочки и люди где-то справа за печкой. Максим шагнул туда, на ходу протирая линзы очков платочком.

На кухне на стене висел портрет во весь рост какого-то святого. В золочёной рамке. Под портретом, на табуретке, сидел маленький мужичок в свитере и спортивках, босиком. Он держал нога на ногу. Нос его был словно свёрнут в сторону — так иногда рисуют носы, когда не умеют рисовать. Напротив маленького мужичка, спиной к Максиму, сидел высокий мужик. Высокий и широкий в плечах — просто великан. Он упирался локтями в стол, был в тяжёлой чёрной шубе. На макушке его головы лысина, а оставшиеся волосы — длинные и седые.

Максим сразу догадался, кто из них Коля, но всё-таки спросил:

— Здравствуйте! Мне бы Николая!

Коля, видимо, не расслышал и крикнул с визгом:

— А вам кого?!

Великан медленно повернул голову в сторону Максима. Брови у великана были густые и тоже седые.

Максим повторил:

— Здравствуйте! Мне бы Николая.

— Ну, я Николай. Что надо? — казалось, что он смотрит одновременно и на Максима, и в ту сторону, куда нос. Вдоль по носу полоса, чуть наискосок. Шрам. Словно когда-то нос отрубили, а потом пришили обратно.

— Я тут перевернулся на машине, мне бы

трос. Меня к вам направили. — Максим поиграл ключами от машины (он даже не заметил, как они оказались в руках).

Игра ключами, видимо, не понравилась Николаю. Он сложил руки на груди:

— Нету троса.

Максим не смог ничего ответить и только убрал ключи в карман.

— Нету троса.

— Меня к вам направили, сказали, что есть. От Свояка.

Лицо Николая изменилось. Он убрал руки с груди и глянул на великана:

— Это наши люди.

— Ну, если наши, так дай. Если есть трос.

— Есть, есть, — засуетился Коля и встал. Сразу стало заметно, насколько он пьян, он едва держался на ногах. — Трос-верёвка, конечно, есть. Своим дадим.

Он подошёл к Максиму, сел, ссутулившись, на лавку около печи и замер.

— Ключ возьми! — кинул великан через плечо.

Коля встрепенулся, поискал что-то рукой в кармане и успокоился. Сидел и не шевелился, словно уснул. Наконец великан повернулся к Коле, с трудом достав свои ноги из-под стола, шуба его была расстёгнута.

— Ты не тяни. Если есть — дай! Видишь — человеку надо.

Коля выпрямился и даже как-то оживился.

— Трос-верёвка есть, есть. Не могу их надеть, — он едва заметно кивнул в сторону почти новых кирзовых сапог.

— Так помочь, что ли?! — спросил великан. — Помочь?!

Коля снова ничего не ответил. Сидел прямо и глядел куда-то в стену.

— Да ну его! — сказал великан. Он довольно быстро встал, подошёл к Коле и стал натягивать левый сапог. Максим взялся за правый.

Когда они обули его, великан сел на своё место и уже больше не оглядывался.

Коля сначала по печке, а потом по стенкам вышел на улицу. Максим шёл сзади.

Коля постоянно повторял, что он пьяный, но не давал помогать себе, стараясь идти сам. Около сломанной калитки он поскользнулся и упал лицом и голыми руками в снег. Максиму стало

жалко его. Когда Коля приподнялся, всё лицо его оказалось в снегу, словно чем-то изуродовано. Он отёр лицо ладонью и тихо сказал:

— Вот видишь.

Когда пришли к гаражу, оказалось, что он не закрыт. Одна из небольших дверок тоже, как и калитка, открыта наполовину и застряла в снегу. В эту открытую щель вела собачья тропинка. Коля заглянул внутрь, потом ещё раз. Сказал, словно протрезвевший:

— Нету троса. Всё я пропилил, парень.

Максим не сразу понял, к чему это сказано, и всё стоял в нерешительности.

— Ты где улетел-то?

— Вот, прямо перед деревней.

— На Мостках, значит. Нету, парень, троса, — Коля ещё что-то говорил, но Максим не стал его слушать, пошёл.

— Я, парень, сейчас приду туда, помогу.

Максим уже с дороги взглянул на Колю около гаража, в одном тонком свитере, в спортивных, большущих кирзовых сапогах не по размеру, и зачем-то сказал ему: «Спасибо!»

Около трактора стояла теперь белая машина, точно такая же, как до этого зелёная, только теперь белая. Из машины вылез шофёр. Он, немного пошатываясь, неуклюже шагнул в сторону Максима. Ему не хотелось смотреть на мужика. Вдруг он заметил, что из-под правой его штанины виднеется пластмассовый наконечник протеза.

Поравнявшись с Максимом, мужик схватил его за руку.

— Меня Иваном зовут, а тебя?

— Максим.

Он крепко держал за руку и смотрел прямо в лицо, от этого Максиму стало неприятно и хотелось отвернуться.

— Железо — это всё ерунда, Максим. Железо — это железо. Главное — сам целый остался. Понимаешь? Я в этом месте, точно в этом месте, два раза бывал. Понимаешь? — он ещё посмотрел на Максима, но больше ничего не сказал, отвернулся и ушагал к своей машине, сел в кабину.

Трактор монотонно работал. Тракторист стоял рядом с сумками и ничего не спросил про трос, но Максим сам сказал:

— Нету. — И тут же побежал вниз к машине.

— Да у тебя, наверно, короткий?

Но Максима было не остановить. Он забрался внутрь, всё обыскал и нашёл. Красный, крепкой плотной лентой. Аккуратно свёрнутый и убранный в прозрачный пакетик.

Максим вылез из машины. На ходу скинул пакет, развернул трос. Отдал его трактористу. Тот едва глянул.

— Ну что это, — и как попало стал засовывать трос в правый карман куртки. Неожиданно замер и поглядел вдоль по дороге в сторону, противоположную от деревни.

— Неужели едут, — сказал недовольно. — Словно на тот свет катались. — Трос так и не засунул до конца, он болтался из кармана красной нарядной ленточкой.

По дороге ехала та самая зелёная машина, она снова помигала правым поворотником. Сзади к машине был привязан железный трос. Он, видимо, плохо гнулся и тащился за машиной какой-то загибулиной. Все подошли посмотреть. Даже мужик из белой машины пришёл. Ржавый трос лежал на заледенелой дороге тонким уродливым червём.

— С трактора снял, велено вернуть.

— А вы сегодня работаете? — спросил мужик из белой машины.

— Работаем, работаем, Ваня.

Максим вспомнил, что мужика и правда зовут Иваном.

Свояк схватил трос и напрямую пошёл к машине. Трос тащился за ним по снегу. Тракторист пошёл помогать. Вдвоём они долго возились около машины, куда-то заглядывали, приседали, словно делали упражнения. У Максима заболела голова, затылок. Если до этого ему казалось, что это всё неправда, что всё это происходит не с ним, то теперь понял, что всё так и есть.

— Никак, — сказал тракторист, повернувшись к дороге. Это значит, что никак нельзя зацепить.

И в этот самый момент Свояк ухватился за кончик красной ленты:

— А это что? — и стал вытягивать трос из кармана тракториста как фокусник.

Максим засмеялся. Тракторист кивнул в его сторону:

— А это его, машинный.

— Вот этим и зацепим, а дальше мой пойдёт.

Тракторист кинул железный трос в снег и стал подниматься к дороге.

— Цепляй, — кинул через плечо.

Красная лента легко обвилась вокруг заднего колеса. Трактор с лязгом заскреб гусеницами по льду. Трос натянулся, выскочил из снега, сначала красный, а потом рыжий. Машина встала на колёса, и все громко закричали, замахали руками, стали показывать трактористу, что больше не надо. У Максима болела голова так, как ноют руки, когда заморозишь их, а потом они отходят в тепле.

Все спустились к машине. Оказалось, что разбита задняя левая фара. Сильно замято заднее левое крыло. И вообще, вся левая сторона помята. Зеркало оторвано. Но двери открываются. Когда их открыли, из машины посыпались лампочки, предохранители, открытки с храмами. Максим, не разбирая, скидал всё обратно.

Машину можно было вытащить только вперёд: в эту сторону насыпь была более-менее пологой.

Все поднялись наверх, и Максим вместе с ними. Один Свояк остался около машины, словно он сапёр, а в машине бомба. Он, насвистывая, привязывал ленту к переднему бамперу. Все устали. Вернее, Максим устал, и ему было всё равно.

Из деревни подошёл Коля Носатый. Он крикнул вдруг:

— Ты чего делаешь?! — и упал в снег бруствера. Снова лицом. Он приподнялся на руках и крикнул Свояку: — За ось цепляй! За балку! За бампер не цепляй — оторвёт!

Свояк посмотрел на Колю и засмеялся.

— Спасибо, Носатый! — Он отмотал ленту от бампера и залез под машину почти по поясу.

Над Колей никто не смеялся, все стояли сзади Максима, и никто не смеялся, словно никого и не было. Максиму снова стало жалко Колю. А тот поднялся и стал ходить по брустверу туда-обратно. Сгорбившийся. Держал то одну, то другую руку в кармане, а свободной рукой махал. Кричал почти одно и то же:

— Жёстко ездят молодёжь! Газ давят, а тормоза не знают. Газуют только. Летуны! Трактор забуксует, вытащить не сможет. Ещё всю неделю, дней десять здесь будешь жить. Новый год справлять с нами будешь. У меня можешь, — казалось, что говорит он это почему-

то не Максиму, а Свояку. Видать, Коле нравится кричать здесь, в лесу.

Наконец Свояк вылез из-под машины. Лицо его было красное.

— Ты, Носатый, кончай! Сам-то сколько раз летал?

— Тринадцать, а может быть, и больше, — не задумываясь, ответил тот. Но болтать перестал.

Позже Максим вспомнил, что, как только вытащили машину, Коля махнул рукой и пошёл к деревне. Снова пошатываясь, качаясь из стороны в сторону. Похоже, он замёрз без куртки и хотел скорее домой.

А машину вытащили легко, колёс не было видно, и казалось, что она плывёт по снегу. Трос отвязали быстро, Максим даже не успел этого заметить. Свояк первым делом открыл капот.

— Всё вроде на месте, масло по минимуму. Дружище, тебе везёт — радиатор полный, можешь заводить, — он открыл водительскую дверцу. Из машины снова посыпались мелкие запчасти. У Максима дрожали ноги, и он не сходил с места, только достал из кармана ключи от машины и поиграл ими. Тогда тот мужик, что походил на тракториста, вдруг сказал (и Максима удивило, что он говорит), сказал басом: — Давай сам, Свая!

Свояк радостно схватил ключи, сел на водительское сиденье, что-то дёрнул, что-то нажал, включил зажигание — и машина заработала.

— Как часики! — засмеялся Свояк. — Ты давай садись, ездай потихоньку, а мы за тобой, как джипы сопровождения! — Он вылез из машины. — Только ничего не включай, без фар едь, а то замкнёт ещё! Ничего не включай! Давай, давай, а то нам некогда!

Они усадили Максима внутрь, а ему казалось, затолкали насильно, захлопнули дверку. Все расселись по машинам. Из трубы трактора пошёл чёрный дым, видимо, тракторист дал слишком много газа. Максим включил первую скорость и тронулся. Как только он увидел перед собой белую ледяную дорогу, сразу вспомнил, как занесло: влево, потом вправо, потом снова влево и окончательно развернуло и кинуло в кювет. Он вспомнил, как при каждом заносе с боков машины и впереди её поднимались белые облака снега. Видимо, того снега, что лежит сверху на ледяной корке. Максим хотел знать, едут за ним мужики или нет, он хотел отблагодарить их. Но не мог посмотреть: левое зеркало сломано вовсе, правое свёрнуто в сторону, а на заднем стекле накидан снег. Он не знал, едут за ним или нет, но останавливаться не хотелось. Впереди была только белая дорога да иногда кажущиеся большими круглые, словно удивлённые, фары встречных машин.

□

Сергей Анатольевич МУРАШЕВ

родился в 1979 году в Архангельске.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Печатался в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век»,

«Роман-газета», «Двина», «Вертикаль XXI век», «Приокские зори»,

«Урал», альманахе «Камчия» (Болгария).

Автор сборника рассказов «Маленькая книжка».

Победитель конкурса «Долгие вёрсты войны, светлые строки победы»

и II Славянского литературного форума «Золотой витязь»

в номинации «Дебют» (проза).

Член Союза писателей России.

Работает корреспондентом районной газеты в городе Каргополе

Архангельской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

